

Рязанское историко-культурное общество

Древности Поочья

Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова

Составители А.А. Гомзин, В.И. Завьялов, И.Г. Кусова

Ответственный редактор А.О. Никитин

Рязань

2016

ББК 63.48(2)
УДК 902
Д73

Редакционная коллегия:

к.и.н. А.А. ГОМЗИН, д.и.н. В.И. ЗАВЬЯЛОВ (председатель), к.и.н. И.Г. КУСОВА,
А.О. НИКИТИН (ответственный редактор), Т.В. РАХМАНИНА.

Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова
/ Сост. А.А. Гомзин, В.И. Завьялов, И.Г. Кусова; отв. ред. А.О. Никитин.
– Рязань: РИКО, 2016. – 365 с.: ил.

ISBN 978-5-600-01587-6

Сборник включает работы по археологии, истории, нумизматике, топонимике, эпиграфике Центральной России. Он подготовлен исследователями из Рязани, Москвы, С-Петербурга, Казани, Тулы, Липецка, Калуги – сотрудниками академических институтов, преподавателями вузов, работниками музеев и архивов.

Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

ISBN 978-5-600-01587-6

© Рязанское историко-культурное общество, 2016

© Авторы, 2016

© Коновалов М.В., художественное оформление, 2016

Д.Ю. Филиппов (Рязань)

Усадьба касимовского ханского двора: судьба после царства

В статье рассматривается история бывшего ханского двора в г. Касимове в период XVIII – первой трети XIX в. Утрата статуса резиденции местных правителей и превращение двора в обычную городскую частновладельческую усадьбу сопровождались постепенным разрушением памятников татарской архитектуры, расположенных на его территории.

Татарская гора, Касимов, Касимовское царство, памятники татарской архитектуры, Долгоруковы, Балакирев, Симонов

Памятники татарской архитектуры – мечеть с минаретом и два ханских мавзолея, расположенные в городе Касимове, – по праву относятся к числу уникальных объектов культурного наследия Рязанской области. Уникальность их определяется как статусом наиболее древних архитектурных объектов на территории края (а возведены они были не позднее середины XVI – первой четверти XVII в.), так и отражением особенности региональной историко-культурной среды, связанной с существованием Касимовского царства. Центральное место среди объектов татарского периода истории Касимова занимает юго-восточная часть города, в XVIII–XIX вв. именовавшаяся Татарской слободой, с центром на исторической Мусиной, или Татарской, горе¹.

Географически Татарская гора – возвышенный участок окской надпойменной террасы, с северо-запада и юго-востока ограниченный глубокими оврагами – Успенским (Ямским) и Полежаевским². Имея чрезвычайно удачное стратегическое положение, уже в XV в. Татарская гора стала местом резиденции касимовских правителей и сохраняла эту функцию до конца XVII столетия. Комплекс каменных и деревянных построек ханского двора сложился, видимо, в середине XVI в. Сегодня от него сохранились минарет с основанием мечети (существующее здание мечети было возведено на древнем фундаменте в XVIII в.) и текие (мавзолей) Шах-Али хана. Утрата в XVIII – начале XIX в. других построек ханского двора, последующие перепланировки и застройка Татарской горы привели к изменению топографического и визуального восприятия местности. В результате сохранившиеся уникальные памятники сегодня воспринимаются как единичные объекты, плохо связанные с историческим пространством.

За свою долгую историю татарские памятники Касимова не раз становились объектом изучения археологов, историков, искусствоведов. Тема эта имеет обширную библиографию³, и повторение истории вопроса не имеет смысла. При этом судьба ханского двора в период, последовавший за ликвидацией

Касимовского царства, хотя и находила отражение в целом ряде исследований и публикаций, специально не рассматривалась. Между тем история этого значимого для города места представляет интерес в контексте событий региональной истории XVIII–XIX столетий. В предлагаемой публикации мы постараемся обобщить сведения, имеющиеся в литературе, опубликованных и архивных источниках, освещающие судьбу касимовского ханского двора в указанное время.

Наиболее ранними постройками ханского двора считаются мечеть и минарет, которые традиционно датируют 1467 г., что, однако, не имеет документального подтверждения. В новейших исследованиях высказывается предположение о том, что начало возведения каменных построек на территории ханского двора относится к середине XVI в. и связано с периодом пребывания в Касимове царевича, а затем царя Шах-Али Шейх-Аулиара. Он занимал касимовский престол с перерывами с 1516 по 1567 г.⁴ Из построек комплекса ханского двора точной датировкой обладает только текие Шах-Али, возведённое в 1555 г. Видимо, около этого времени возведены мечеть с минаретом и ханский дворец. Это было знаковым событием: представители ордынских правящих династий, волею судьбы осевшие в Касимове, признавали его новой родиной и пытались создать на новом месте привычную, традиционную культурную среду⁵.

По своему прямому назначению в качестве резиденции касимовских правителей двор служил до конца XVII столетия. Последними его обитателями, вероятно, были царь Сеид-Бурхан (Василий Арсланович), правивший в 1626–1679 гг., и его мать царица Фатима-Салтан Шакулова, недолго (в 1679–1681 гг.) занимавшая престол после смерти сына.

Из многочисленных детей Василия Арслановича наследовали ему сыновья Семён и Иван⁶, в начале XVIII в. в живых остался только царевич Иван Васильевич (?–12.04.1722 г.), в чьей собственности и находились владения касимовских царей, в том числе усадьба ханского двора в Касимове. Следует отметить, что в этот период территория бывшей официальной ханской резиденции рассматривалась как часть вотчинных владений последних касимовских правителей и их наследников и в документах именовалась «касимовским двором», приравниваясь по статусу к городской усадьбе.

Иван Васильевич, пережив единственного сына Василия⁸, в 1717 г. завещал свои земельные владения племяннице, дочери своей родной сестры Домны Васильевны Хилковой (Касимовской), Прасковье Юрьевне Долгоруковой, урожд. Хилковой (1682 – 1730). На момент завещания П.Ю. Долгорукова была единственной ближайшей наследницей царевича: «...тем недвижимым имением по смерти дяди своего я и владела, а мать моя, княгиня Домна Васильевна дочь царевича Василия Арслановича, а ему, дяде моему царевичу Ивану Васильевичу, бо́льшая сестра родная, и потому я, нижайшая, оному деду внука, а дяде моему племянница родная и ближе меня к тем недвижимым имениям никого нет»⁹.

Однако после смерти Ивана Васильевича уже в 1723 г., по доношению обер-фискала А.Я. Нестерова, земли, унаследованные Прасковьей Долгоруковой, были отписаны на государево имя, а затем приписаны к Петербургскому госпиталю «на содержание больных и раненых и отставных солдат»¹⁰. Формальной причиной

изъятия земель было якобы нарушение порядка передачи имений наследникам по женской линии, установленного «Указом о единонаследии» 1714 г. Но, как позднее свидетельствовала П.Ю. Долгорукова, Нестеров подал «неправое доношение», «памятуют с нами деревенския ссоры... умысля мне к отмщению»¹¹.

В 1726 г. Екатерина I распорядилась продать госпитальные вотчины с публичного торга, а вырученные деньги поместить в банк и получаемые проценты ежегодно расходовать на нужды госпиталя. Однако потенциальные покупатели давали очень невысокую цену за госпитальные деревни, и дело с продажей затянулось¹². Продолжение этой истории последовало после смерти императрицы: в октябре 1727 г. П.Ю. Долгорукова подала уже на имя Петра II прошение о возвращении ей земель, отобранных по ложному доносу¹³.

Верховный тайный совет решил остановить продажу госпитальных вотчин, по причине поступивших челобитий о возвращении их прежним владельцам до решения вопроса¹⁴. Указом от 4 декабря 1727 г. было предписано: «...бывшего касимовского царевича деревень, которые по смерти его приписаны к госпиталю, также и других приписанных к тому госпиталю деревень, которые... повелено было продать, ныне за челобитьем родственников их не продавать»¹⁵.

В июне 1728 г. указом Петра II было повелено «поместьям и вотчинам Касимовского царевича Ивана, которые в прошлом 1723 году приписаны к госпиталю... быть по наследству за племянницею его родною, за княгинею Прасковьею Юрьевною, за женою действительного тайного советника Алексея Григорьевича Долгорукова...»¹⁶. В сентябре 1728 г. указом Петра II Прасковье Долгоруковой были возвращены изъятые ранее наследственные земли, в том числе и касимовский двор, что было закреплено протоколом Верховного тайного совета от 4 сентября 1728 г.¹⁷ Таким образом, наследственные владения касимовских царевичей перешли в род князей Долгоруковых, однако ненадолго.

Как известно, супруг Прасковьи Юрьевны, Алексей Григорьевич Долгоруков, был одной из влиятельнейших фигур при дворе Петра II: сенатор, гофмейстер, член Верховного тайного совета и почти состоявшийся тесть императора... Неожиданная смерть Петра II накануне свадьбы привела к сокрушительному краху клана Долгоруковых. Положение А.Г. Долгорукова при дворе Петра II, его властные амбиции и позиция в отношении воцарения Анны Иоанновны – всё это вызвало незамедлительную реакцию новой императрицы. Весной 1730 г. князья Долгоруковы были подвергнуты опале. Указом от 9 апреля 1730 г. князю А.Г. Долгорукову было предписано: «...жить в дальних деревнях с женою и детьми и о том ему сказать Указ, чтоб он из Москвы ехал незамедлительно и из той деревни без указа нашего никуда не выезжал...»¹⁸ Уже в апреле «незамедлительно», как и требовал указ императрицы, семейство Долгоруковых отправилось в ссылку в пензенское село Никольское¹⁹. Путь лежал от Москвы через Коломну на Касимов, где, видимо, предполагалось на время остановиться.

«И так мы три недели путались и приехали в свои деревни, которые были на половине дороги, где нам определено было жить. Приехавши, мы расположились на несколько время прожить, отдохнуть нам и лошадям...» – пишет в своих записках Н.Б. Долгорукова. Остановка эта была в сельце Селищи (с конца XVIII в. – село. – Д.Ф.), расположенном в нескольких верстах от Касимова и ранее входившем в касимовские царские вотчины.

Эта остановка на несколько недель была расценена как послушание и вызвала очередную волну гнева Анны Ионновны и ужесточение ссылки: указом от 12 июня 1730 г. местом ссылки А.Г. Долгорукова с семьёй был определён Берёзов²⁰. Ожидая подготовки судна для отправки по Оке, Долгоруковы прожили неделю в Касимове²¹, вероятно, на принадлежавшем им бывшем ханском дворе.

Указом от 15 июля 1730 г. все имущества А.Г. Долгорукова были конфискованы и отписаны на имя императрицы: «Понеже Долгорукие за объявленные их в народе вины сосланы в разные места, а о имениях их движимых и недвижимых тогда определения не учинено: того ради указали Мы всё оное их движимое и недвижимое имение отписать на нас...»²² У Долгоруковых были конфискованы вотчины, дома, загородные дворы, в том числе и бывшее ханское подворье в Касимове. Очень скоро многие из отписанных владений перешли к новым хозяевам²³. В числе придворных персон, получивших доли из огромных конфискованных владений Долгоруковых, был и прапорщик Иван Алексеевич Балакирев (1699–1742), известный как шут при дворе Анны Иоанновны. Пребывание И.А. Балакирева в Касимове – эпизод местной истории, отношение к которому всегда было скорее как к курьёзу, нежели предмету исследования. По этой причине история пожалования Балакиреву касимовского имения долгое время была не вполне ясна.

Член Рязанской губернской учёной архивной комиссии А.П. Мансуров, в чьей собственности в конце XIX в. оказалась часть этих земель, а также документы, в некоторой степени проливающие свет на историю приобретённого им имения, отмечал, что время и обстоятельства получения Балакиревым касимовского имения достоверно не известны. Он объяснял пожалование Балакиреву компенсацией за его былую опалу по «делу Монса», но не был в этом уверен. Мансуров писал: «Итак, Балакирев был сослан в Рогервик (Балтийский порт). Но не прошло и года, как скончался император Пётр, и несомненно, что пострадавшие по делу Монса были возвращены Екатериною, вероятно, и награждены. В это ли время (1725–1726 гг.) получил Балакирев имение бывших Касимовских царей, дом их в Касимове, Татарску Слободу, Старый посад, Уланову Гору, с. Селищи, Вешки, Борамиково и проч., или раньше, ещё при Петре I – сказать мы не можем, – но первое вероятнее, как награда за то, что он пострадал по делу Монса»²⁴.

Ещё одним аргументом в пользу пожалования Балакиреву касимовского имения якобы был его шутовской статус «хана Касимовского», полученный от Петра I. В 1722 г., направляясь в Персидский поход, Пётр I останавливался в Касимове. Связанное с этим предание, бытовавшее в городе, сообщает, что в свите Петра был и Иван Балакирев. Узнав, что титул касимовских царей в то время никому не принадлежал, Балакирев попросил у Петра позволения именоваться «ханом Касимовским». Царь в шутку согласился. Об этом предании также сообщал А.П. Мансуров в публикации «Пётр Великий в Касимове»²⁵. По предположению Мансурова, «по смерти Петра, в силу своего шутовского названия ханом Касимовским, Балакирев выпросил себе у Императрицы Екатерины I-й *все имения бывших* (выделено у автора. – Д. Ф.) ханов Касимовских, и вскоре затем перебрался на жительство в своё новое поместье»²⁶.

В действительности же, Балакиреву были пожалованы далеко не «все имения бывших ханов Касимовских», а только расположенные рядом с городом

два сельца, Селище и Вешки, и деревня Уланова Гора. Некоторые подробности получения Балакиревым касимовских имений раскрывает текст его прошения на имя Анны Иоанновны, опубликованный в сборнике Русского императорского исторического общества.

В июне 1733 г. Иван Алексеевич просил императрицу о пожаловании ему из отписанных на государево имя имений опальных Долгоруковых «в Касимове двор, на котором только деревянных старых шесть покоев и сад, да в том же Касимовском уезде оных Долгоруких два сельца Селищи и Вешки, да деревня Уланова гора, а в них крестьянских тридцать дворов». При этом усадьбу в Касимове Балакирев просил для себя: «...отписной в Касимове двор и с садом, для строения мне, низайшему рабу», а пригородные два сельца и деревню «к житью родителям... кои имеют жительство близ онаго города»²⁷, что вызывает вопросы, поскольку по официальным биографиям Балакирев значится выходцем из костромского дворянства²⁸. Где именно «близ» Касимова проживали родители Балакирева, ещё предстоит выяснить. 27 июля 1733 г. Анна Иоанновна резолюцией на прошении Балакирева пожаловала ему в потомственное владение «два сельца и деревню со всеми угодьи и в городе двор помещиков и прикащичий двор, и два огорода с дворовыми людьми»²⁹. Но с ограниченными правами: резолюция императрицы предписывала имение «не закладывать и не продавать»³⁰.

В последние годы жизни Балакирев оставил петербургский двор. Весной 1740 г. он «отпросился у императрицы в свои деревни до осени, и по случаю кончины государыни, ко двору больше не воротился, а остался жить в тиши»³¹. Вполне возможно, что отправился он именно в Касимове. Предания о жизни Балакирева в Касимове долгое время сохранялись в городе. А.П. Мансуров писал: «Сколько времени жил в Касимове на бывшем дворе Ханском Балакирев – также неизвестно, но сохранилось предание, что он много гулял по берегу р. Оки, ходил пешком на Уланову Гору, делал разные проказы, о которых и сейчас рассказывают. Между прочим, купит воз сена совсем с телегой, велит выпрячь лошадь и сбросит с крутого берега навьюченный воз. Он летит с кручи, сено рассыпается дорогой, подхватывается ветром и т. д. На берегу собирается толпа народа, смотрит на эти диковинки...»³²

Для Касимова фигура «шута Балакирева» стала поистине легендарной. Предание гласит, что он скончался и был похоронен в Касимове. У алтаря Богоявленской церкви и сегодня можно видеть белокаменную плиту, которую считают надгробием Балакирева. Однако достоверно утверждать этого нельзя: метрические книги церковей Касимова за 1740-е гг. не сохранились, и подтвердить факт кончины Балакирева в Касимове документально не представляется возможным. Из новейших исследований по истории рода Балакиревых известно, что И.А. Балакирев скончался в 1742 г., а не в 1763, как считалось ранее³³. Эта дата косвенно подтверждается и данными Рязанского архива: уже в документах 1740–1750-х гг. упоминается «вдова прапорщика» И.А. Балакирева – Анна Алексеевна Балакирева³⁴.

После смерти Балакирева его касимовское имение было возвращено в казну – «отписано на Её Императорское Величество»³⁵. На этот раз бывшие ханские владения находились в казённом управлении около десяти лет. Очередное пожалование бывшего ханского двора в частные руки пришлось уже на правление Елизаветы Петровны.

Именным указом от 2 апреля 1754 г. 408 душ «из отписных в казну вотчин» в Касимовском, Копорском и Ямбургском уездах были пожалованы в вечное и потомственное владение придворному камер-цалмейстеру Дмитрию Александровичу Симонову (?–1786). Д.А. Симонов был одной из заметных придворных фигур XVIII столетия. Судя по упоминаниям его персоны, встречающимся в литературе, он проявил удивительные способности выживания при дворе. Начав придворную службу ещё при Петре I, он пережил все придворные потрясения XVIII в. и завершил карьеру на излёте царствования Екатерины II. Возможно, это было связано с характером службы, выполняемой Симоновым при дворе: с 1721 г. он служил сначала «без рангу», в 1726 г. стал «зильбердинерским помощником» (зильбердинер – придворный, отвечающий за хранение посуды³⁶), в 1728 г. – гоф-курьером в ранге поручика, в 1730-х гг. – камер-цалмейстером (заведовал дворцовой казной), в январе 1741 г. был удостоен чина полковника. В отставку он вышел в начале 1770-х гг. в чине действительного статского советника³⁷.

Как полагал А.П. Мансуров, пожалование Симонов получил «за содействие его в известную Ноябрьскую ночь» во время дворцового переворота 1741 г.³⁸ Жалованная грамота Симонову на касимовские имения, составленная в 1754 г., несколько лет пролежала в канцелярии Елизаветы Петровны неподписанной, и только 10 ноября 1762 г. была подтверждена Екатериной II. Свидетельство об этом приводит А.П. Мансуров, в домашнем архиве которого хранилась копия с грамоты, перешедшая ему вместе с документами на имение в Улановой Горе, купленное в 1870-х гг.³⁹

При передаче имения Симонову в мае 1754 г. была составлена опись, зафиксировавшая состояние ханского двора в середине XVIII столетия: «В городе Касимове на татарской горе двор помещиков, на том дворе строения горница с комнаткою самая ветхая без верху, потолков, полов, печи, дверей и окон, в горнице стол дубовый гнилой, сундук деревянный простой ветхий, ворота каменные в одну сторону пошатнулись и во многих местах обвалились, затворы деревянные самые ветхия, у больших ворот петел железных нет, а у малых ворот петли и крючья железные; на том дворе люцкая изба с сеньми, другая лакейная с сеньми ж, баня с небольшим передбанником, поварня, ледник небольшой, на нём анбар, возле ледника анбар кладовой без дверей, сарай колясочный, конюшня со стойлами, над нею сушило, между сарая и конюшни анбарчик забран в столбы и всё выше писанное строение сосновое, крыто дранью, самое ветхое и гнилое, да две горенки небольших с печью, одна печь изращатая, другая кирпичная, промежду ими сени дощатые, крыты дранью, выход каменный местами отвалился, да при том дворе сад, в нём яблонь 100 дерев в двух местах, вишен 2 куста, груш два, смородины 2 небольшие гряды, городьба около двора и саду ветхая, и много развалилось, да в том саду палатка каменная, да возле саду мечеть каменная круглая, во многих местах обвалилась, вышиною сажень 10-ти; да против онаго двора двор прикащиков, на том дворе городьбы ничего нет, а бывшее строение всё огнило и развалилось, и что где было построено, ныне узнать невозможно...»⁴⁰

С именем Д.А. Симонова связана история утраты значительной части построек, некогда составлявших комплекс строений ханского двора, которые были разобраны по его распоряжению. Предлог разобрать бесполезные,

по его мнению, каменные строения появились у Д.А. Симонова в начале 1760-х гг., когда он «вознамерился» выстроить в принадлежавшем ему сельце Селищи новую каменную церковь вместо деревянной, действовавшей в соседнем селе Вешки. В качестве строительного материала для нового храма Симонов решил использовать камень и кирпич «из оных его Симонова палатки (текие Шах-Али. – Д. Ф.) и мечети».

Получив благословенную грамоту рязанского епископа Палладия, Симонов нанял каменщиков, которые «помянутую мечеть... ломать начали и сломали на два аршина». Однако на следующий день у мечети «собрались многолюдственно» местные татары во главе с мурзой Абдулом Махметовым «с товарищи» и «той мечети ломать незнаемо для чего не дали и из тех каменщиков одного человека подрядчика поймав, связали руки яко сущему злодею и били смертельно и привели едва жива без всякого подозрения в Касимовскую (воеводскую. – Д. Ф.) канцелярию».

Настаивая на разборе мечети, так как «оная мечеть состоит впусе, и никакого в ней по их магометанскому закону мольбища не бывает, а татарских жилищ подле той мечети нет, а живут де татары в городе Касимове особливою слободою, у коих де и мечеть деревянная среди той их татарской слободы построенная, а также кладбище в поле в особливом месте имеется»⁴¹, Д.А. Симонов подал прошение в Синод. По рассмотрении прошения распоряжением от 18 ноября 1762 г. Симонову было разрешено мечеть сломать «и разобранный из неё кирпич на церковное строение употребить дозволить»⁴². Вскоре здание мечети было разобрано до основания, и к концу 1760-х гг. от него остался только минарет. При этом на что был использован кирпич – непонятно, поскольку упомянутая каменная церковь построена не была. В 1772 г. в Селищах был возведён деревянный Покровский храм, а каменный – только в начале XX столетия⁴³.

Одновременно Симонов разобрал и использовал на строительный материал остатки ханского дворца и планировал разобрать минарет. Свидетельство об этом оставил П.С. Паллас, посетивший Касимов в августе 1768 г.

В рапорте Академии наук от 11 августа 1768 г. он писал: «Место, где стоял ханский дворец, ныне отвели под жилой дом г. генерала Симонова, а колонны и фрагменты ворот с надписями отправили в печь для обжига известняка, чтобы получить строительный материал. Великолепную старую башню, возле которой стояла мечеть, удалось пока спасти. Господин генерал намеревался и её тоже прибрать к рукам и снести, когда бы не требование местных татар о возмещении и не признание Сенатом за татарами права на владение местом...

Самый достопримечательный из всех уцелевших в Касимове татарских памятников, а именно ханская гробница, стоит в саду господина генерала. Она довольно хорошо сохранилась. Хотя склеп под ней взломан и разграблен, а находящиеся в самой гробнице памятники и камни с надписями, кроме двух, тоже опрокинуты и разбиты и выломана оконная железная штанга, однако здание ещё настолько крепкое и прочное, построено с такой благородной простотой, что татарам можно было бы отдать угол симоновского сада, где оно расположено. Ведь тогда они наверняка позаботятся о том, чтобы снова собрать надгробные камни и восстановить памятник. Таким образом, удалось бы сохранить хотя бы эти руины»⁴⁴.

В опубликованном в 1773 г. первом томе «Путешествия по разным провинциям Российского государства» Паллас приводит описание памятников на Татарской горе: «В здешней Татарской слободе... стоит ещё в вышней части города высокая толстая круглая башня, или Мисгир, оставшаяся от разорённой мечети, которая ныне с Высочайшего позволения опять строится. Старая мечеть была складена из кирпичей, которые величиною больше 13 дюймов, а башня построена из тёсаных и нарочито великих камней, которые, кажется, браны из находящейся по ту сторону Оки за 11 верст от города при деревне Малеве каменной ломки. Из такого же известкового камня состоят и прочие татарского строения остатки близ мечети в саду находящиеся и забором обнесённые. Кажется, что на сём месте, действительно, был дворец здешних ханов, и от прежнего каменного строения пребыли до новейших времён большие, многими готскими фигурами и арапскими надписями украшенные, ворота, так же продолговатый четырёхугольный дом и таким же образом обнесённое кладбище знатных татар, от коего недалеко находится и кладбище простолюдинов».

Для некоторых причин по приказанию нынешнего хозяина недавно сломаны помянутые ворота, и по большей части употреблены на сжение извёстки, так что я мог ещё видеть только остатки, а особливо кровельные разные подзоры и теремочки. Ханский дом так же сломали и оставили только основание футов на пять вышиною, для строения на оном деревянных жилых покоев. Сие строение от юга к северу было в длину несколько больше 32 аршин, а в ширину больше осьми аршин с половиною. На каждом конце пристроена узкая часть длиною в 16 футов. В северной пристройке есть ход в сделанной с уступами наискось подземной и под всем строением простирающейся с толстыми сводами погреб, в котором от проходящего сквозь свод воды рождаются окаменелые малыя из капель сосульки с водяными концами, или так называемый сталактит.

В южно-восточную сторону от сего строения находится ханское кладбище в саду хозяина и поныне ещё не разрушено...»⁴⁵.

Разрушение оставшихся памятников – минарета и текие Шах-Али – видимо, было только делом времени, но ситуация изменилась после указа от 9 апреля 1768 г., позволившего касимовским татарам построить новую мечеть, что и было сделано летом того же года⁴⁶.

Итак, постепенная утрата построек комплекса бывшего ханского двора происходила как естественным образом – из-за отсутствия должного присмотра со стороны владельцев усадьбы, так и целенаправленно, как в случае с разбором остатков дворца и каменных ворот Д.А. Симоновым. При этом территориально владение ханского двора, неоднократно переходя из рук в руки на протяжении XVIII столетия, сохранялось как единая городская усадьба, вероятно, в своих исторических границах. Утрата пространственного единства ханской усадьбы на Татарской горе приходится на середину 1780-х гг., когда город начали перестраивать по регулярному плану.

В этот период владельцем усадьбы был старший сын Д.А. Симонова, статский советник Андрей Дмитриевич Симонов. Именно ему досталась основная часть касимовского отцовского имения: «в городе Касимове боярской дом со всеми садами, городских бобылей татар 88 душ... в Касимовском уезде

в селе Селищах татар 64 души... русских 126 душ... в селе Вешках русских 28 душ...»; деревня Уланова гора и 126 душ крепостных достались его младшему брату, Алексею Дмитриевичу Симонову⁴⁷. Таким образом, в XIX в. основными владельцами имения Симоновых в Касимове и округе были потомки Андрея Дмитриевича.

В 1780 г. был разработан план регулярной застройки Касимова. Накануне, в 1779 г., было проведено межевание территории города и его слобод. Сохранившиеся межевые книги дают некоторое представление о размерах усадьбы Симонова в Касимове, которая на тот момент, видимо, соответствовала размерам бывшего ханского двора. Общая площадь касимовской Татарской слободы составила 45 десятин 1422 квадратные сажени. Из них владельческая усадьба Симонова занимала 8 десятин 2196 сажен, то есть пятую часть территории слободы⁴⁸. Помимо усадьбы Симонова, в Татарской слободе, как и в период Касимовского царства, располагались городские усадьбы татарских мурз и сеитов, дворы их дворовых людей, а также дворы купечества, мещанства и разночинцев.

По плану 1780 г. город был полностью перепланирован. Под размежевание попала и усадьба Симоновых. На это указывает в прошении, поданном в 1810 г. в Рязанское губернское правление, вдова Андрея Дмитриевича Симонова, Марья Хрисанфовна⁴⁹. В прошении она писала, что «помещичий двор с каменным и деревянным строением с садом и со всей принадлежностью... по подтвержденному на город Касимов плану... разбиты по частям»⁵⁰.

Из обширного владения – бывшей территории ханского двора – был выделен сравнительно небольшой, в 110 квадратных саженей, участок – «в отрезку татарской мечети в площадь». В межевых книгах 1779 г. особо отмечено, что при начале межевых работ «служитель» Симонова Егор Буров «поданным объявлением показал, что в означенной слободе каменная мечеть состоит на крепостной земле господина его»⁵¹.

Помимо площади при мечети, из владения Симоновых было выделено несколько городских кварталов под обывательскую застройку, в том числе и их собственная новая усадьба, значительно уменьшившаяся в размерах. В упомянутом прошении Марья Хрисанфовна просила вернуть ей выделенные под обывательскую застройку места в 86-м и 87-м кварталах и «от реки Оки место и при нём с половиною каменных погребов и фундамента с лишком пятьдесят лет во владении у Симоновых находящегося»⁵². Последний был отдан под построение дома купцу Алянчикову. Так как все указанные участки, за исключением площади при мечети, на протяжении нескольких лет не были застроены, М.Х. Симонова просила возвратить «отрезанное» на основании бывшего пожалования этой земли её свёкру и многолетнего наследственного владения⁵³. Чем закончилась история этого прошения, выяснить не удалось.

Между тем, согласно реестру Касимовского городнического правления на раздачу мест под застройку, составленному на рубеже 1780-х – 1790-х гг., за А.Д. Симоновым значилось не менее 15 усадебных участков во вновь распланированных кварталах в пределах Татарской слободы⁵⁴. И это с учётом того, что большая часть кварталов, непосредственно примыкающих к историческому ядру Татарской слободы, в реестре не представлена.

Вероятнее всего, реальное количество мест, полученных Симоновым под застройку, было больше. Это объясняется тем, что в пределах Татарской

слободы, исторически сочетавшей территорию ханской резиденции и район проживания служилых людей касимовских царевичей, помимо усадеб татарской аристократии, располагались также дворы дворовых людей и крестьян как ханского двора, так и придворной знати. Видимо, после размежевания территории слободы на имя Симонова были оформлены не только участки, выделенные под застройку ему лично, но и участки, на которых располагались дворы его крестьян – в прошлом принадлежавших ханскому двору.

Это подтверждается и данными ведомостей раскладки налогов с недвижимых имуществ г. Касимова, составлявшихся Касимовской городской думой. Например, в ведомости 1863 г. в кварталах Татарской слободы значатся многочисленные дома «временнообязанных крестьян г. Симоновой»⁵⁵. В те годы это могли быть крестьяне, ранее принадлежавшие либо Наталье Андреевне Симоновой – дочери Андрея Дмитриевича, либо Марье Сергеевне Симоновой – жене полковника Александра Андреевича Симонова. Причём располагались эти дома именно в тех кварталах, в которых обозначены усадьбы, выделенные А.Д. Симонову после разбивки города по регулярному плану.

Собственная же усадьба Симоновых после размежевания, видимо, осталась на своём историческом месте – на территории, некогда являвшейся центром ханского двора. Имеющиеся документальные свидетельства, как прямые, так и косвенные, позволяют локализовать место её расположения.

Так, в реестре распределения постоя по городским домам, составленном Касимовской квартирной комиссией в 1828 г., упоминается «Симонов сад», расположенный в Татарской слободе. В реестре он значится следом за усадьбой и кожевенным заводом касимовского заводчика Салеха Шакулова⁵⁶. Известно, что усадьба Шакуловых в 1820-х гг. располагалась в 86-м квартале, вблизи мечети⁵⁷. Здесь же, по соседству, располагался и сад Симоновых. Примечательно, что обширные сады, имевшиеся на территории бывшего ханского двора и усадьбы Симоновых, упоминаются в источниках, в частности, в уже приводимом описании бывшей ханской усадьбы, перешедшей к Д.А. Симонову в 1754 г. Судя по описанию, сад, в котором было 100 яблонь, а также грушевые, вишнёвые деревья и кусты смородины, занимал центральную часть Татарской горы. На его территории располагалось ханское кладбище «понины ещё не разрушено» и «палатка каменная» – текие Шах-Али⁵⁸, а рядом с садом «мечеть каменная круглая»⁵⁹.

В ведомости раскладки налогов 1863 г. «деревянный дом полковницы Натальи Андреевны Симоновой» значится в 74-м городском квартале под № 1⁶⁰. Прояснить место его расположения позволяют имеющиеся в нашем распоряжении два плана города Касимова. Первый, составленный в 1830-х гг., хранится в собрании Касимовского краеведческого музея, второй – 1840 г. – в фондах ГАРО.

Судя по этим планам, 74-й квартал располагался к западу от мечети. В 1830-х годах квартал состоит из одного обширного владения, которое и являлось усадьбой Симоновых. План 1830-х гг. дополнен панорамой города с Оки, которая сама по себе является исключительным изобразительным источником. На панораме к западу от мечети – в месте расположения 74-го квартала – показан довольно крупный зелёный массив с большим двухэтажным домом по красной линии улицы Мясницкой (совр. Воровского). Очевидно, это изображение сада и дома Симоновых.

К 1840-м гг. единое владение, вероятно, было раздроблено. На плане 1840 г. в 74-м квартале обозначены два усадебных места. Владение № 1, оставшееся за Симоновыми, находилось в части квартала, ориентированной на Оку, и красной линией было обращено к реке⁶¹.

Предполагая, что изначально дом и усадьба располагались на основной территории бывшего ханского двора, можно заключить, что именно здесь, на западном мысу Татарской горы, и находилась ханская резиденция. Это подтверждается и ценнейшим указанием, которое содержит план Касимова 1830-х гг.: на плане обозначено «Место бывших дворцов татарских царей», расположенное напротив 74-го квартала на западном выступе Татарской горы буквально в нескольких десятках метров от границы усадьбы Симоновых⁶². Упомянутое в 1810 г. М.Х. Симоновой «от реки Оки место... и при нём с половиною каменных погребов и фундамента с лишком пятьдесят лет во владении у Симоновых находящегося» – не что иное, как место с остатками каменных построек ханского дворца, руины которого Д.А. Симонов в конце 1760-х гг. пережил на извёстку. Их же упоминал в своё время С.П. Паллас⁶³.

Вероятно, к началу XIX в. на месте **дворца** действительно ещё сохранялись руины каменной кладки, которые застал И.С. Гагин, составивший в 1830-х гг. «Фасад и фундамент бывшего каменного дворца царей касимовских» – зарисовку цокольного этажа ханского дворца, отмечая, что его «уже за сломкою не значится»⁶⁴. При этом в дате слома Гагин уверен не был. В черновых зарисовках Иван Сергеевич, обычно тщательный в деталях, составив подпись к рисунку, озаглавленному «Фасад оставшагося от царского каменного дома фундамента с погребями, и который <нрзб> владельца места разобран», сначала указывает, а затем вымарывает дату разбора: «Сей фундамент в <...> году разрушен <...> господина Симонова»⁶⁵. Зарисовку, выполненную И.С. Гагиным, вероятно, стоит рассматривать как графическую реконструкцию, выполненную на основе натурных наблюдений, с использованием описания, приведённого П.С. Палласом.

Симоновы владели усадьбой в 74-м квартале до 1870 г. Тогда это было уже «огородное место» с небольшим деревянным домом, принадлежавшим «наследникам полковницы Натальи Андреевой Симоновой»⁶⁶. Видимо, в 1870 г. или в начале 1871 г. усадьба была ими продана: в ведомости раскладки налога с недвижимости Касимовской городской думы за 1871 г. владельцем «деревянного дома на огороде» в 74-м квартале значится уже касимовский купец Хайрулла Сайфуллович Кастров⁶⁷.

Итак, территория Касимовского ханского двора, перестав служить в конце XVII в. резиденцией татарских правителей, постепенно превратилась в обычную, пусть и очень большую по площади, городскую частновладельческую усадьбу. Но и в этом качестве, находясь в руках известных и влиятельных владельцев, она оказалась вписанной в местный культурно-исторический контекст нового времени, связала маленький провинциальный Касимов с масштабными событиями русской истории XVIII столетия и наполнила его историю интересными фактами и колоритными персонажами.

Утрата архитектурных памятников резиденции касимовских правителей была неизбежна. Новыми владельцами усадьба рассматривалась лишь как объект недвижимости, а отсутствие исторического сознания не позволяло

оценить значимость имевшихся в усадьбе построек и способствовать их сохранению. Ещё более усугубляла ситуацию принадлежность «руин» к иной культурной традиции. В свою очередь, драматичная судьба ханских «руин» способствовала пробуждению интереса к собственной истории в касимовском сообществе, ярким примером чего стала деятельность историка и архитектора И.С. Гагина.

При этом памятники, наиболее значимые с точки зрения уникальности местной культурной традиции, – минарет ханской мечети и мавзолей Шах-Али – сохранились по счастливому стечению обстоятельств и при непосредственном участии татарского населения города – носителей культуры, создавшей их. Это особенно подчёркивает важность данных памятников в ряду объектов культурного наследия Рязанского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Мансуров А.А., Бадер О.Н.* Археологическая карта окрестностей Касимова // *Археология Рязанской земли*. М., 1974. С. 288.

² Наименования местных топонимов приводятся на основании плана города Касимова 1840 г. (см.: ГАРО. Ф. 892. Оп. 1 (Кас. у.). Д. 728. Л. 1).

³ Об этом см., напр.: *Мансуров А.А., Бадер О.Н.* Указ. соч. С. 302–309; *Шариффулина Ф.Л.* Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX веков. Рязань, 2004. С. 8–9, 39–40; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: проопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 149–154.

⁴ *Беляков А.В.* Указ. соч. С. 60–61.

⁵ Там же. С. 148–150.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). Т. 84. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726–1730. Ч. VI. Июль–декабрь 1728 г. СПб., 1893. С. 11, 13.

⁸ *Беляков А.В.* Указ. соч. С. 114; *он же.* Землевладение касимовских царевичей во 2-й половине XVII века // Третьи Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Рязань, 12–15 октября 2004 года. Рязань, 2005. С. 426.

⁹ Сборник РИО. Т. 84. Ч. VI. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² См.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 848–849.

¹³ Сборник РИО. Т. 69. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. Ч. IV. Июль–декабрь 1727. СПб., 1889. С. 814–815.

¹⁴ Там же. С. 814.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Т. 84. Ч. VI. С. 9.

¹⁷ Там же. С. 9–24.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. 8. № 5532. С. 264–266; Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 238.

¹⁹ Памятные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой // *Русский архив*. 1867. Вып. 1. С. 24.

²⁰ Сказания... С. 242.

²¹ Памятные записки... С. 37.

²² Сказания... С. 243; см. также: *Тихонов Ю.А.* Крестьянский двор в помещичьей деревне и его хозяйственные возможности в 20–30-х гг. XVIII в. // *Связь веков: исследования по источниковедению истории России до 1917 года. Памяти профессора А.А. Преображенского: сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.В. Семёнова*. М., 2007. С. 303–317.

²³ *Курукин И.В.* Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 215.

²⁴ *Мансуров А.* Балакирев в Касимове // *Труды РУАК*. 1894. Т. IX. Вып. 2. Рязань, 1894. С. 137.

²⁵ *Мансуров А.* Пётр Великий в Касимове // *Русский архив*. 1895. Вып. 6. С. 132–138.

²⁶ Там же.

²⁷ Высочайшая резолюция на всеподданнейшем прошении отставного прапорщика Ивана Балакирева о пожаловании ему в г. Касимове отписного двора и в уезде 2-х сёл // Сборник РИО. Т. 106. Бумаги Кабинета Министров Императрицы Анны Иоанновны 1731–1740: Ч. II. (1733 г.). Юрьев, 1899. С. 367.

- ²⁸ См., напр.: *Петров П.Н.* Иван Алексеевич Балакирев // *Русская старина*. 1882. Т. 36. Вып. 10. С. 165–169.
- ²⁹ Сборник РИО. Т. 106. Ч. II. С. 367; см. также: *Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве*. Отд. 1. Т. 1. СПб., 1909. С. 319; *Курукин И.В.* Указ. соч. С. 215; *Комолов Н.А.* Род князей Долгоруких в истории Юга России в 30-е гг. XVIII в. // *Личность в истории. Личность историка. Тезисы Второй региональной научной конференции* (г. Воронеж, 1 февраля 2008 г.) / ред. В.Н. Глазьев. Воронеж, 2008. С. 34.
- ³⁰ Сборник РИО. Т. 106. Ч. II. С. 367.
- ³¹ См.: *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 169.
- ³² *Мансуров А.* Балакирев в Касимове. С. 137.
- ³³ См.: *Зайцева Т.А.* Из истории рода Балакиревых // *Петербургский музыкальный архив. Сборник статей и материалов* / ред. Л.Г. Данько, Т.З. Сквирская. СПб., 1997. Вып. I. С. 101–103.
- ³⁴ ГАРО. Ф. 627. Оп. 7. Д. 9. Л. 96; Оп. 245. Д. 1. Л. 107.
- ³⁵ Там же. Оп. 6. Д. 11. Л. 4. Упоминаются крестьяне деревни Уланова Гора, отписанные на императорское имя (1748 г.).
- ³⁶ 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней / Сост. А.Д. Михельсон. М., 1866. С. 249.
- ³⁷ *Троицкий С.М.* Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в. // *Исторические записки* / ИИ СССР. Т. 89. М., 1972. С. 324.
- ³⁸ *Мансуров А.* Наследник цесаревич Александр Николаевич в городе Касимове в 1837 году // *Русский архив*. 1888. № 8. С. 477.
- ³⁹ *Мансуров А.* Балакирев в Касимове. С. 138.
- ⁴⁰ Там же. С. 141–142.
- ⁴¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1: Царствование государыни императрицы Екатерины Второй: 1762–1772 гг. СПб., 1910. С. 63–64.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 4. Рязань, 1891. С. 80; ГАРО. Ф. 627. Оп. 165. Д. 23. Л. 1–31.
- ⁴⁴ Научное наследие П.С. Палласа (Письма. 1768–1771 гг.) / сост. В.И. Осипов. СПб., 1993. С. 32.
- ⁴⁵ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 42–44.
- ⁴⁶ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царицах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 61.
- ⁴⁷ ГАРО. Ф. 1433. Оп. 1. Д. 612. Л. 5.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 892. Оп. 5 (Кас. у.). Д. 1268. Л. 11.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 719. Д. 226. Л. 53; о М.Х. Симоновой см.: *Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово*. Л., 1989. С. 122–123, 300.
- ⁵⁰ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 226. Л. 53. Журнал заседаний от 02.08.1810 г.
- ⁵¹ Там же. Ф. 892. Оп. 5 (Кас. у.). Д. 1268. Л. 1.
- ⁵² Там же. Ф. 4. Оп. 719. Д. 226. Л. 53. Журнал заседаний от 02.08.1810 г.
- ⁵³ Там же. Л. 53.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 725. Оп. 1. Д. 8. Л. 11 об., 13 об., 15, 17.
- ⁵⁵ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1746. Л. 60 об. – 65 об.; 69 об. – 71 об.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 8. Л. 385 об.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 651. Оп. 1. Д. 241. Л. 13 об. – 14.
- ⁵⁸ *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 44.
- ⁵⁹ *Мансуров А.П.* Балакирев в Касимове. С. 141–142.
- ⁶⁰ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1746. Л. 76 об.
- ⁶¹ Там же. Ф. 892. Оп. 1 (Кас. у.). Д. 728. Л. 1.
- ⁶² ККМ. КП № 178.
- ⁶³ *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 44.
- ⁶⁴ ККМ. КП № 181.
- ⁶⁵ НА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 619. Л. 2.
- ⁶⁶ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2078. Л. 6/н. № 1026.
- ⁶⁷ Там же. Д. 2093. Л. 6/н. № 1026; Там же. Д. 2083. Л. 2.